

УДК 37.013.73
ББК 44в

ГСНТИ 02.15.61; 14.07.03

Код ВАК 09.00.13; 13.00.01

Франц Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lanakazakova2009@yandex.ru.

ДЕТСКАЯ ВЕРА**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** вера; уверенность; доверие; мировоззрение; мышление; сознание; моральные нормы; духовный поиск.**АННОТАЦИЯ.** Рассматривается феномен детской веры. Утверждается, что мировосприятие детей основано на их до-верии миру, поэтому сознание ребенка изначально религиозно. Детская вера – базовое чувство, она определяет дальнейшее духовное развитие ребенка. В ходе интериоризации вера трансформируется в моральные нормы, правила и принципы, в соответствии с которыми будет жить уже взрослый человек. Показано, как осуществляется возрастной «переход» веры из сферы образно-чувственной в область идейно-нравственную.

Характеризуется концепция О. Конта, который в свое время отождествил формирование человеческого мировоззрения с этапами развития научного познания и периодами гражданской истории и выделил три стадии (теологическую, метафизическую и позитивную) развития мировоззрения. Сначала, как и первобытный человек, ребенок не выделяет себя из окружающего мира, а отождествляет его с собой, одухотворяет и наделяет человеческими свойствами, устанавливая прочные связи. В следующий период формируется религиозное (объединенное О. Контом с философским и названное метафизическим) мировоззрение. Наступает период рационализации, с религией ребенка связывает то, что он начинает осваивать формы социальной организации, ритуальные в своей основе и поддерживающиеся с помощью традиций. Подчеркивается необходимость родительской поддержки и уделения особого внимания вопросам веры в период, когда вера у детей переключается на иной «объект» – знания («знаниевая вера») и волю (самотивация).

Frants Svetlana Viktorovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Sociology and Political Science, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

CHILDREN'S FAITH**KEY WORDS:** faith; confidence; trust, worldview; thinking; consciousness; moral standards; spiritual search. The article deals with the phenomenon of children's faith. It argues that children's world perception is based on their trust in the world; that is why the child's mentality is inherently religious. Children's faith is a basic feeling; it defines the further spiritual development of the child. In the course of interiorization faith is transformed into moral norms, rules and principles in accordance with which the adult person will live. The article demonstrates the way of temporal transition of faith from the sense imagery sphere to the sphere of moral ideas.

The article characterizes the conception of Auguste Comte who once compared the formation of the person's world outlook with the stages of development of scientific cognition and periods of civil history and singled out three stages (theological, metaphysical and positive) of development of the world outlook. First, the same as the primitive man, the child does not distinguish himself from the surrounding world but identifies it with himself, personifies it and establishes strong connections with it. The next stage is the period of formation of religious (united by Comte with philosophical and called metaphysical) world outlook. Then comes the period of rationalization; the child is connected with religion by the fact that he begins learn the forms of social organization, which are ritual in their essence and are supported by tradition. The article specifies the necessity of parental support and special attention to the questions of faith at the period when children's faith turns to a different "object" – knowledge ("knowledge faith") and will (self-motivation).

О том, что такое вера, **ВЕРО**ятно, представление имеет у всех. А вот о детской вере, **наВЕР**ное, мы знаем меньше... потому что знать – это прерогатива взрослых, для которых ребенок – «terra incognita» и «tabula rasa» одновременно. И *думающий* взрослый сначала эту «terra incognita» исследует, а уж потом решит, что на этой «tabula rasa» написать. Правда, один мудрец, которого звали Платон, утверждал, что и это не в наших силах, ибо знания у человека врожденные, и задача Учителя – помочь их припомнить. Давайте и мы... сначала припомним некоторые «прописные истины».

Во-первых, что вера – составная часть мировоззрения, более того – его основание (можете оспорить это **утВЕР**ждение), поскольку свое место в мире можно *пред*ставлять, о мире в целом необходимо *знать*, а во всё вместе неплохо было бы *вер*ить. Верить в смысле быть *убежденным* в том, что это именно так, как *кажется* по отношению к себе, другим людям и миру. Однако и это не всё, поскольку существуют еще ценностные установки. Они – «промысел сверх-человеческий» (над-индивидуальный), точнее, социальный (и даже конвенциональный), ибо... *ценится* обществом и самим человеком то, что прошло проверку

временем (следовательно, это что-то вне-временное). Итак, представления, знания, убеждения, ценностные установки «обитают» в мире людей и ими самими формируются. А что же вера? Ведь именно она – «объект» изучения. Проведем небольшой мысленный эксперимент: вера = представление; вера = знание (почитайте Фому Аквинского); вера = ценностная установка, вера = то... что кажется, вера = основа мировоззрения. И не только взрослых, но и детей, поскольку без мировоззрения им в нашем взрослом мире никак не обойтись. Следовательно, задача *заботливых* взрослых:

- научить ребенка *представлять* (видеть внутренним зрением, «во-ображать»);
- дать *знания*, а лучше показать, как можно их добывать самостоятельно (вспомните про сократовскую майевтику – стимулирование исследовательского интереса);
- сформировать *ценностные установки* или найти способ объяснить, зачем они нужны и как «работают» (т. е. осознать их иррациональную составляющую), помочь стать ответственным;
- наконец, объяснить, чем человек верящий (не «верующий»!), т. е. убежденный в чем-то, отличается от не верящего – и самим попутно в этом разобраться (т. е. выявить «инструментальную» природу веры).

Итак, развивать воображение, побуждать исследовательский интерес, формировать ответственность, подключая веру... и много чему еще необходимо научить ребенка. Сделать это может только *мудрый, заботливый* взрослый, а именно *любящий родитель*.

Начинать формировать мировоззрение надо в раннем возрасте, как и сознание и самосознание, не упускать эту возможность («этап социализации»), чтобы не сработал эффект «неизвестного зверушки» (отчуждения), превращения ребенка в чужого человека.

Мне кажется, разговор о детской вере правильной было бы начать с «припоминаний» форм мировоззрений (мифологическое, религиозное, философское, научное; наряду с ними называют обыденные представления людей). Поможет мне в этом известный французский философ-позитивист XVIII в. Огюст Конт, который в свое время отождествил формирование человеческого мировоззрения с этапами развития научного познания и периодами гражданской истории. Всего он выделил три стадии (теологическую, метафизическую и позитивную) развития мировоззрения. На первой, теологической стадии, человек объясняет все происходящее как следствие воздействия сверхъестественных сил, Бога (т. е. феноменологически), поскольку не знает иных причин «чудесных» природных явлений, в

том числе аномальных. Так воспринимал мир человек с «примитивным» (теологическим и мифологическим), «дознаниевым» мировоззрением (об этом пишут во всех учебниках философии). Естественным способом выстраивания отношений с миром для него стала вера в ее исходной форме (некритическое мышление), точнее, доВЕРчивое, интуитивное мировосприятие. Этот этап можно назвать «детством» человечества (первобытное общество) и «колыбелью» современного мировоззрения. Тогда мир был одухотворен человеком, и он мог с ним «общаться», наделяя свойственными всему живому качествами (гилозоизм и анимизм)¹, т. е. существовала *взаимосвязь* между Космосом (миропорядком) и людьми.

А сейчас вернемся к детям и проведем некоторые аналогии. Помните, в какой форме ребенок начинает познавать окружающий мир (а одновременно – и как мы, взрослые, начинаем его объяснять), и тогда метафора «детство» превратится в определение. Ребенок кусает, лижет, обоняет, осязает, слышит – т. е. познает мир с помощью чувств, *непосредственного* контакта, поэтому малыш очень восприимчив и интуитивно ориентирован. Подключать «ratio» (разум) к «intuition» (первый этап социализации) *думающий* взрослый начинает поэтапно, от простого – к сложному. Форма детского (как и первобытного) мировосприятия и мироотношения достаточно проста, поэтому взрослые должны говорить с ребенком на понятном ему, «примитивном» языке, выражая при этом однозначные чувства (желательно, конечно, в этот период самим не впасть в детство). Чувства обязательно нужно *выразить* (!), ведь через них осуществляется первичная «оценка» происходящего и «прикрепление» к взрослому миру («прививка» социализации). Родитель «как путе-водитель» берет себе в помощники книгу (фольклорные произведения): стишки, потешки, прибаутки, сказки, колыбельные песенки, частушки, пословицы, поговорки и т. п. В них выражена народная мудрость, представлены многие «детские» жанры и виды искусств (в которых совмещены слово, музыкальный ритм, мелодия и движение), потому что мировосприятие ребенка (как и первобытного человека) син-

¹ Гилозоизм (от греч. ὕλη – материя и ζωή – жизнь) отличается как от более ранних форм анимизма (о-душе-вления), персонифицирующего природу, так и от панпсихизма (обожествление психических процессов), приписывающего определенную форму сознания или ощущения всей материи. Это полная тождественность человека с миром, человеко-мир.

кретично¹, чувственно-образно. Как и первобытный человек, ребенок не выделяет себя из окружающего мира, а отождествляет его с собой, одухотворяет и наделяет человеческими свойствами (гилозоизм), устанавливая прочные связи. Ребенок думает, что если люди разговаривают, то могут говорить и животные; если малыш чувствует боль, значит, ее должны испытывать и все окружающие его вымышленные и игрушечные существа; если в сказках существует чудо, следовательно, оно должно присутствовать и в жизни... Малыш доверчив, впечатлителен, открыт миру (но и беззащитен), у него более тонкие с ним – иррациональные (т. е. пред-сознательные) – связи. Каким чудесным в это время бывает малыш! У него до-ВЕРительные отношения с окружающим миром (включая взрослых) – это в районе 3 лет.

Конечно, у ребенка при отсутствии абстрактного мышления и невозможности трансцендентного² понимания Бога есть вполне соответствующее его жизненному опыту представление о нем, которое отличается от представления искушенных взрослых. В связи с этим К. Чуковский убеждает родителей не ругать ребенка за то, что взрослым может показаться кощунством, «ведь малыш сводит все к тому, что ему позволяет понять его небольшой и очень конкретный опыт; к тому, что он может вообразить в знакомых образах и красках... Отсюда – откровенное материалистическое направление детской теологии» [11].

Теперь перейдем к более сложной форме мировоззрения – религиозной (у Конта она объединена с философской и названа метафизической). Это следующий этап мироотношений, который в течение тысячелетий прошло человечество и ускоренными темпами предстоит преодолеть ребенку. О религии стоит сказать то, что в ее основе – чувство веры, интуиция и восстановление утраченных связей (от лат. *religare* – связывать, соединять) с миром. Если мы «примеряем» ее на ребенка, то о каком разрыве может идти речь, какие связи настала пора восстанавливать? Возмо-

но (в мире взрослых людей), это логические связи, т. е. пришло время учить ребенка осознавать происходящее, поступать сознательно (рацио-нально). Это для него еще один шаг по социальной лестнице. Что касается веры и интуиции... хорошо бы было в этот период их сохранить, «разбавив» ими рационализм. С религией в этот период (от 3 до 5 лет) ребенка связывает то, что он начинает осваивать формы социальной организации (через «можно»/«нельзя», «хорошо»/«плохо», «я»/«они» и т. п.), ритуальные в своей основе и поддерживающиеся с помощью традиций. Наступает пора приучать ребенка к общему порядку (в широком смысле) – в быту (отношение к себе), в человеческом обществе (правила общежития, отношения с людьми) и природном мире (отношение к природе). Разумный взрослый помогает ребенку выстраивать эти само-отношения – взаимоотношения – миро-отношения. Конечно же, подавая личный – хорошо бы *положительный* – пример, прививая уважением к нормам, объясняя *необходимость* их соблюдения, значение и *значимость* традиций для людей. Родители в этот период формируют социальные коды своего ребенка, а что в их основе – решают сами (атеизм или религия, эгоизм или альтруизм, критицизм или скептицизм и т. п.). И еще... Религия, несомненно, насыщена моралью... Это то, чего сейчас не хватает нашему обществу. Возможно, это именно та форма (временная, пока не стабилизировался мир, религиозно-культурная), в которой ребенок способен постигать азы морали (библейские притчи) и воспринимать образцы нравственного поведения? Не воспринимайте это как призыв *прямо сейчас* вести детей в церковь!

Детское сознание априорно (изначально) религиозно, в нем «правда» не отделена от «лжи». Мышление ребенка конкретно (предметно): если что-либо изображено (представлено) или озвучено, значит, оно есть, явлено. Ребенок и сам много фантазирует, легко переходит из мира реального в мир вымышленный; играет, легко меняя условия игры. Он словно трикстер, связывающий «ту» и «эту» реальности. Одна моя знакомая-аниматор рассказала, что маленькая участница игры *всерьез* попросила ее заколдовать другого участника. А однажды накануне новогоднего вечера в детском саду мой сын мечтательно произнес: «Завтра я буду гномиком» (пришлось ночью шить ребенку костюм, чтобы не лишить его таинства сказочного перевоплощения, без которого невозможен любой Праздник). Опираясь на эту доверчивость, можно прививать ребенку любые образцы культурного поведения. «Для ребенка первобытное

¹ Синкретизм – особенность мышления и восприятия детей раннего и дошкольного возрастов, характеризующаяся стремлением связать между собой разнородные явления, так как ребенок принимает последовательность впечатлений за связь вещей; в философии – разновидность эклектизма, соединение разнородных, противоречащих друг другу взглядов.

² Трансцендентность (от лат. *transcendens* – переступающий, выходящий за пределы) – то, что принципиально недоступно опытному познанию (как и любому другому виду). В широком смысле трансцендентное – выходящее за пределы всякого возможного опыта.

мышление – не кощунственно, а естественно. Ребенок будет строить свои мифы и сказки из любого подручного материала, и если давать ему только христианство, то сделает игру и сказку из него. Ребенок восприимчив к чуду, и это чистое, доверчивое состояние детской души протоиерей Василий Зеньковский называл “религиозной одаренностью”. И сказочный период детства замечательно подходит для того, чтобы не упустить этой одаренности – чтобы позволить ребенку взять все самое лучшее из этого таинственного, яркого, насыщенного чудесами времени, воспользоваться им, чтобы заронить в детскую душу не догмат, а теплоту, восхищение и любовь» [11].

Итак, сознание ребенка изначально религиозно, а вера – базовое чувство, сложное по своей структуре. Как утверждает современный христианский детский писатель *Виктор Кротов*, «когда мы говорим о детской вере, мы должны различать... три разных вещи. Одно дело – детская вера, та чистая интуиция ребенка, как пришельца из вечности <...выражение Мэри Романушка, писателя...>. Вот его интуиция, его доверие миру и Богу, его знание, что тайна неисчерпаема, вот это те свойства детской веры, по моему, из-за которых Христос говорил, будьте как дети... Но нас заботит, взрослых, таких умных людей еще две разных веры детских. Мы озабочены тем, чтобы передать детям эстафету свою. Передача происходит на уровне семьи, этноса, общества, но это органическая такая передача не всегда через литературу, но через литературу в том числе. И, наконец, есть настойчивое формирование детской веры, идеологическое, нажимное, насильное, мы все знаем, что 84 года такие коммунистические компрачики тоже участвовали в этом формировании в негативном плане... И вот различать три эти вещи – детскую чистую веру, передачу эстафеты веры и идеологическую веру, которую мы навязываем ребенку – очень важно... Я думаю, что вопрос детской веры нельзя сводить к вопросу идеи Бога в ребенке. Мне даже страшно стало. Даже сейчас я бы не хотел, чтобы во мне жила идея Бога. Мне от веры нужно совсем другое. Это живой Бог, вот что такое вера, а не идеи Бога» [12].

На мой взгляд, истинная вера и есть «живой Бог». Это моральные нормы, правила и принципы, в соответствии с которыми живет человек, тот «интериоризированный Бог» (без Божества), о котором писал Иммануил Кант (т. е. Бог как мотивация нравственного поведения). В такой вере скрыт огромный потенциал, который можно и нужно использовать. Например, сопереживание, сочувствие, надежда, сердечность, доброта (помню, как оплакивал мой

сын судьбу Сибмы из «Короля Льва», несмотря на счастливый конец сказки). (Ученые утверждают, что вера возникает там, где невозможно познание. В случае с детьми – пока невозможно, поскольку критическое мышление у них еще не оформилось и не предъявило требование выгоды или пользы). А какие заклинания-заговоры вдруг «припоминает» ребенок (да и взрослый) и дает обещания, обращаясь к высшим силам (заступнику или ангелу-хранителю), когда попадает в критическую ситуацию... И, что интересно, после испытанного страха следует своим обещаниям, значит, *верит* в эту самую помощь. Этот сюжет замечательно описан в рассказе Бориса Ганаго «В горный мир». (Кстати, Вы знакомы с Борисом Ганаго, а с миром «горным»? Я тоже не в юности про него узнала.) В нем мальчик Даня, нарушив родительский запрет, тайно отправился в Великий пост кататься на горке и... «штаны порвал, и новые валенки пропорол, и ногу поранил... <Чтобы не огорчать маму> забрался мальчик на сеновал и стал молиться святому Симеону, Чудотворцу Верхотурскому... Молился Ганя с сокрушением сердечным, плакал, обещал исправиться. Еще дал обет сходить пешком на поклонение к праведному Симеону в Верхотурье... Молился горячо. Устал и незаметно уснул. Во сне подошел к нему старец... Прикоснулся к больной ноге..., провел рукой по ране и исчез. Проснулся Ганя от сильного зуда в ноге. Посмотрел и ахнул: рана зажила. Встал мальчик и стал трепетно и радостно благодарить Чудотворца...» [5].

На что ориентирует этот рассказ – на веру ли в чудо или дает надежду на прощение и предупреждает о том, что нельзя нарушать запреты? Решайте сами... Одно ясно: эта книга этически (нравственно) ориентирована. В период социальной аномии через религию общество пытается восполнить отсутствие социальных норм, выполнить функцию «морального воспитателя» детей и подростков, регулятора человеческих отношений, направив их в русло гуманизма. В упомянутой книге Б. Ганаго в доступной для детей форме говорится о таких моральных качествах и свойствах, как сочувствие, взаимопомощь, добродетель («Прозрение»); сердечность и доброта, любовь и истинная дружба («Разве это друг?»); душевность («Мой гриб! Мой!»), «Заблудилась душа» и др.), а также о пагубной силе преступных помыслов и поступков («Над оврагом») и др. А для ребенка вера – это и надежда на осуществление невозможного (страстно желаемого), и защита, и помощник в преодолении страхов (неуверенности). Скажите, родители, вы способны сделать то же самое для ребенка? Подбодрить,

вдохновить, поддержать, научить защищаться и верить в себя?.. Тогда вперед – и не забывайте: делать это нужно не *за*, а *вместе с* ребенком (и *с верой в удачу*), потому что до-верчивость – это главная черта его личности!

Утверждают, что «уста́ми ребенка глаголет истина» и дети – маленькие мудрецы. Мудрецы (философы) способны абстрактно-теоретически мыслить и рефлексировать (рефлексия (от лат. *reflexio* – обращение назад) – способность человеческого мышления к критическому самоанализу, т. е. рассмотрению и анализу собственных знаний и поступков. Со времен Сократа – важнейшее средство самопознания и основа духовного совершенствования человека. В науке – критическое исследование процесса познания, его методов, приемов и т. д.). Вряд ли детям это свойственно в полной мере, но между 5 и 7 годами (период бурной подготовки к школе) их мышление кардинально меняется и значительно обогащаются представления о мире. В них все большее место занимают прото-научные знания, которые нужно объединить с имеющимися представлениями, т. е. о-смыслить (а это уже прото-рефлексия). Также начинают формироваться различные знаковые системы (математическая – на основе умения считать; языковая – читать и писать; природная – знаний о живой и неживой природе, мире растений и животных и проч.) и систематики (включая новый уровень требований взрослых к детям «как взрослым») – а это и есть «первый уровень» теоретического осмысления в его абстрактном выражении. Так что «маленькие философы» предпринимают огромные интеллектуальные усилия по формированию новой (целостной) картины мира. «Сциенция потенцию ест», как шутили гуманистии (*scientia est potentia*, т. е. «знание – сила»). Мир взрослых знаний вытесняет детские чувства и непосредственные представления. Вера «взрослеет» вместе с ребенком и переключается на иной «объект» – знания («знание-вера»; «верю, чтобы знать!») и волю (само-мотивацию). В этот период *ответственные* родители помогают детям справиться с интеллектуальными перегрузками и поддержать равновесие в развитии (не только «подгружая» собственных чад занятиями спортом и искусством), поэтому вера как психологическая и моральная поддержка очень нужна детям (как стимул к саморазвитию, и не только в этот период).

Французский писатель Ромен Гари в романе «Обещание на рассвете» описал веру своей матери в его одаренность и самоотверженную поддержку сына во всех его детских начинаниях. Эта книга стала для меня

своего рода библией воспитания собственных детей. Как часто, нагружая интеллект ребенка, мы забываем о его душе, гуманизме и вере. Еще раз хочется сослаться на стороннее мнение: «...Вера, как известно, от слышания... А вот что же касается детей, то поскольку мы не можем отрицать, что ребенок создан по образу и подобию Божию, некоторые потребности в отношениях с тем же трансцендентным... может быть, в весьма далеком от религиозной фразеологии вопросе, у ребенка, несомненно, присутствуют. И вот все, что случится дальше, все, что произойдет потом, это уже вопрос к взрослому... (Светлана Панич литературовед)» [16].

Как может повлиять детская вера на последующую жизнь человека, можно показать, обратившись к реальным случаям из жизни великих людей. Например, известный философ Владимир Соловьев был страстно верующим и впечатлительным ребенком, воспитанным в религиозной семье дедом-священником. Он описывал то чувство, с которым отдавался молитве, прося милости у Бога. Его вера обладала такой чудодейственной силой, что персонифицировалась в образ Софии Премудрой, сначала являвшейся ему в сновидениях, а впоследствии воплощенной в учение о Софии – Душе человечества. (В этом примере проявляется образно-когнитивный – познавательный – потенциал веры.) В этом смысле вера как «потребность в трансцендентном» (в том случае, если она поддержана *дальновидными* взрослыми) становится фактором самомотивации ребенка.

Наконец, к школе дети уже прекрасно знают о существовании религий, Бога и иных духовных составляющих мира. Правда, у них формируется достаточно специфическое отношение к ним и соответствующие образы. Какие они, можно понять, прочитав книгу Михаила Дымова «Дети пишут Богу» (1997 г.; книга «Дети пишут Богу» адресована всем – взрослым и детям, потому что она обращена к душе человека [6]): «Здравствуй, Господи. Как у Тебя дела? Как живешь? Как здорове? (Женя, 2 кл.); Люди так страдают на Земле, неужели в Твоем аду еще хуже? (Радик, 4 кл.); Почему люди женятся и выходят замуж, если мы все братья и сестры? (Сандра, 4 кл.); Я понял, что Ты самый главный на Земле, хоть и живешь на небе. А Тебя не переизберут? (Сеня, 1 кл.); Почему мир без нежности? (Лена, 1 кл.); У Тебя есть ум или Ты весь состоишь из души? (Женя, 3 кл.); А ведь первыми начали рожать мужчины – вспомни ребро Адама и Еву. Чем Тебе не понравилось это, и ты взвалил такой труд на женщин? (Зоя, 4 кл.); Ты пишешь в Библии, что вначале было слово. Какое? (Руслан, 1 кл.).»

Хотя эти письма адресованы Богу, в них описаны наши, земные дела и проблемы, их содержание является прямым переносом детских знаний о «мире Дольнем» на «мир Горний» (дольный (устар. – относящийся к доли, долине), перен. – земной, человеческий; низменный. Горний (устар. – относящийся к горе, возвышенный), перен. – небесный мир, относящийся к трансцендентному, божественному; мир совершенный, место обиталища чистой души, куда она отправляется после смерти человека, рай). Интересно, что дети ничего не просят у Бога, а обращаются к нему как реально существующему Сверхчеловеку и задают актуальные для них вопросы – по большей части о несовершенстве дольнего мира, несправедливости и человеческих страданиях. Бог для младшеклассников – не Высший Судья, а символ справедливости и нравственности.

В возрасте от 14 до 18 лет, утверждает Владимир Соловьев, он, прежде свято верящий, «прошел путь через различные фазы практического и теоретического отрицания, чтобы потом обратиться к вере в ином качестве». Школьный период в жизни детей (отрочество) характеризуется определенным атеистическим прагматизмом. Я в этом убедилась, задав детям своих друзей вопрос: «Во что ты веришь?». Их ответы были на редкость «прозаичными» и свидетельствовали о здравомыслии и «материализме» подростков: что они получают хорошие оценки, что мама/папа им что-то купит, что они выучатся и в будущем станут успешными людьми и т. п. Как я уже говорила, вера не отождествляется сознанием детей с религией, но почему-то... моральные свойства подростки приписывают людям верующим, а «обыденную» веру *не связывают с вопросами духовно-нравственными* – и это тоже факт.

Я старалась «вспомнить» свои детские, самые сильные, нерелигиозные чувства: было любопытство, полет и свобода, жгучая обида и ощущение несправедливости... а вот вера – или то, что ею «обозначается» – в моих представлениях отсутствовала. Я была «неудобным» для окружающих ребенком – шумным, доставляющим неприятности, «ветер в юбке», «пацанка». Для меня значимым было движение, действие, а не размышление или «рефлексия», да и не говорил никто со мной на эти темы... А вера, на мой взгляд, относится к области *тонких чувств*, это внутреннее состояние и его осмысленность, поэтому требует неспешности и обдумывания. Каким вы хотите видеть собственного ребенка в будущем: осознающим движения собственной души или духовно слепым? Если первое, тогда обсуждайте с ним такие «лишние» и неудобные

для взрослых вопросы, как душа, дух, вера, чувство и т. п.

В моих детских ощущениях то, что взрослые называют верой, именовалось и выражалось иначе. Лет в 6–7 я хотела... стать учителем и озвучивала это желание. Мне нравилось «возиться с малышами», показывать и объяснять им то, что знала сама, «воспитывать» (= учить) их. Казалось, что в своих сложных отношениях со взрослыми я усвоила то, как не надо относиться к детям. Я хотела стать идеальным взрослым-воспитателем, другом-наставником... и избавить детей от несправедливости. Наверное, это была своеобразная форма моей детской веры – *мечта* и *убежденность* в возможности ее осуществления. (Пожалуйста, не считайте *фантазии* ребенка, *мечты* и *уверенность* самоуверенностью, глупостью и обременительным излишеством. Притормозите, поддержите и помогите осуществить задуманное: мы так и не собрали с сыном модель подводной лодки... ну, конструктором он и не стал.)

Чем еще было наполнено детство? Страхами и неизвестностью. Жутко было в темноте: в углах комнаты таились чудовища, они лишали движения и сковывали волю, хотелось свернуться в точку и стать незаметной (*не быть*). Непереносимым также было одиночество (когда все уходило) – оно останавливало время и опустошало пространство. Это был страх *покинутости* и *ненужности*. Через эти страхи заявляло о себе не-бытие. Не позволяйте своим детям ощутить «*оставленность*»!

Так же остро переживалась несправедливость: вдруг тебя недооценили («вечно на тебя жалуются»); невинный проступок сочли злым умыслом («ты что, всё нам назло делаешь?»); обвинили в том, чего не делала («это опять ты насорила?»). Разьедающим душу стало осознание того, что послушного брата любят больше. Конечно, это было проявлением *недо-понимания*, *недо-любленности*, т. е. *недо-верия* (*неверия в тебя*). Отрицание (негация).

В этой дихотомии (*субъективной вере в себя и объективном недоверии со стороны взрослого мира*) прошли детство и отрочество. Неосознаваемая в этот период вера пребывала в латентном состоянии, но конституировала себя в противостоянии несправедливому отношению, борьбе с собственными страхами и в утверждении права на любовь, признание и осуществление мечты (самостоятельный профессиональный выбор).

Позднее, в старших классах, я увлеклась русским языком и литературой, с помощью которых «достроили» чувственно-образный мир, в котором не нашлось места «*деловым*» родителям, и решила поступать

на филфак университета. Получилось (хоть и не с первого раза) – через настойчивость и упорство. Думаю, это и было проявлением юношеской *«веры вопреки» – протестной веры в себя и свои силы* («я вам всем докажу»; «вы поймете, кто я такая»), превращенная форма *мотивации и целеполагания*. Вам и вашим детям это подходит?

Если вспомнить исторический период моего взросления, то станет понятно, что в эпоху тотального атеизма вера имела негативную коннотацию («опиум для народа», «мировоззренческий костыль», «идеологическая манипуляция» и т. п.). Поэтому использовать ее как «инструмент» воспитания или расценивать как имманентное человеку (тем более ребенку) чувство было «стратегически» ошибочно. Вера была «приватизирована», «поглощена» и «скомпрометирована» религией. Между ними сформировалось некоторое симбиотическое единство. Но мы-то, поколение 1980-х, считали себя неверующими (и, думаю, не верящими)!

Когда же в обществе (и в моем сознании) произошел мировоззренческий «доверительный» поворот к вере и отделение ее от религии? Осознание феноменов веры и религии, их «прикладного» аспекта и выполняемых социальных функций произошло одновременно с трагическими событиями в стране в конце 90-х, повлиявшими на жизнь каждого человека. «Скованные одной цепью» идеологии люди вдруг перестали быть «товарищами», «друзьями», «братьями» и «сестрами». На смену идеологии пришли два культа: денег и религиозной веры. У кого была вера в себя – приобщился к первому из них. У кого этой веры не доставало – обратился за помощью к Церкви. В этот период стало очевидно, что вера во всех формах «активируется» в переломные для человека (особенно взрослого) моменты жизни. Повлияли ли эти социальные и мировоззренческие перевороты в жизни социума на детскую веру? Или чувства и убеждения детей остались автономными?

Моим детям посчастливилось родиться, несмотря на все сложности перестройки, именно в этот период. Вера к концу 90-х уже входила в «повседневный обиход». Мои дети – дети «перехода»: от полного «отделения церкви от государства» до свободы вероисповедования (ст. 28 Конституции). Сыграла ли вера какую-то роль в их воспитании и самовоспитании? Это первый вопрос. А второй – как она была представлена в их жизни?

В постперестроечный период приобщение народа к религиозной культуре (первичный этап, «воцерковление») осуществлялось через реставрацию обрядов – крещения, венчания, отпевания... Я тоже крестила своих детей, но в сознательном воз-

расте, поэтому про церковь, религию и христианскую веру они знают. Однако эта вера для них так и осталась атрибутивной, формальной, не интериоризовалась (не стала внутренней потребностью), не перешла в «осознанную необходимость». А вот их веру в себя и волевые качества я в них воспитывала целенаправленно, учитывая историческую ситуацию и необходимость рассчитывать на собственные силы («индивидуализм»). И нравственные качества – внутреннюю основу личности – формировала, приобщая и к духовной, и к народной, и к интеллектуальной культуре. Дети получились вполне самостоятельными: я верила в себя и в них, а возрождение духовных традиций только помогало процессу воспитания. Сейчас мне кажется, что вопросам веры все-таки можно было уделять больше внимания (но тогда еще не было столько возможностей!), определяя потребности детей и принимая совместные с ними решения. Потому что выросшие дети стали вносить коррективы в определенные мной траектории, разрушая мои представления и создавая собственные смыслы. С другой стороны, жизнь меняется, и взрослый может «созидать» собственное чудо. Нужно поверить и отпустить – «в самостоятельное плавание», а помогать – только когда попросят (возможно, и не меня, и не другого авторитетного взрослого, а обратятся к какой-то Высшей инстанции). Надеюсь, что рассказанные мной истории будут учтены как реальный опыт и практический совет.

Наконец, тот вопрос, на который мне не удалось ответить. Если вера не с детства, возникает в переломные моменты, онтологична (утверждает бытие человека, в том числе ребенка), то когда человек начинает о ней задумываться? В беседах с подростками (выпускниками школ) я выяснила, что к 17 годам у них не возникла потребность в вере (это экзистенциальное чувство не оценивалось как базовое), тогда когда же происходит критический поворот к ней? В этой связи хочется сослаться на статью и исследование Елизаветы Петровны Савруцкой, Сергея Васильевича Устинкина и Марины Владимировны Федоровой «Отношение молодежи к религии» (журнал «Власть», 2014, № 12). Проведенное в Нижегородской области исследование религиозной ориентации молодежи (в возрасте от 17 до 30 лет) показало, что 39% опрошенных считают себя людьми верующими, но таковыми не являются. Вследствие этого авторы делают вывод, что молодые люди сегодня находятся в напряженном духовном поиске, их мировоззрение эклектично и парадоксально. Факт остается фактом: наверное, родители тоже не «успели» поговорить с ними о вере.

А теперь риторические вопросы, адресованные вам, *мудрые, заботливые, любящие, думающие, разумные, ответственные и дальновидные* родители: что для вас самих вера и какого отношения к ней (и какой именно вере) вы ждете от ваших детей? Вы же знаете, что религий много, а вера одна!

В заключение хотелось бы указать на книги и исследования, в которых содержатся ответы на вопросы о современном мире, Боге, Церкви, вере; они будут полезны современным родителям, ищущим ответы на непростые вопросы своих детей. В них также есть откровения великих людей о духовной жизни детства и непростом постижении ими Бога [2; 1; 3; 10; 13; 14; 4; 7; 8; 9; 15; 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный. Исповедь. URL: http://prihod.rugraz.net/assets/pdf/Avgustin_Avrelj-Ispoved.pdf.
2. Белкин А. С., Сутырина Т. А. Проблемы формирования ментально-миссионерской личности // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 25–29.
3. В доме отца моего : сборник / сост. А. Рогозянский. М. : Изд. храма Трех Святителей на Кулишках, 2001. 304 с.
4. Вениамин (Федченков; митр.). О вере и неверии. Детская вера души. URL: <http://www.spasnews.ru/biblioteka/doroga-very/veniamin-fedchenkov-mitropolit-o-vere-i-neverii-detskaya-vera-dushi.html>.
5. Ганаго Б. Детям о вере. Изд-во Белорусского Экзархата, 2000 (2002, 2005 и др.). URL: http://www.golden-ship.ru/load/g/ganago_boris/279.
6. Дети пишут Богу. URL: <http://www.ark.ru/ins/zapoved/zapoved/deti-bogu.html>.
7. Зеньковский Василий (прот.). О религиозном воспитании в семье. URL: <http://azbyka.ru/deti/o-religioznom-vospitanii-v-seme-prot-vasilij-zenkovskij>.
8. Калед Глеб (прот.). Домашняя церковь. М. : Зачатьевский монастырь, 1997. 51 с. URL: <http://zachatevmon.ru/?p=13168>.
9. Козлов Максим (прот.). Детский катехизис – 200 детских вопросов и недетских ответов. М. : Храм святой мученицы Татианы при МГУ, 2001. 432 с.
10. Кураев Андрей (диак.). Детская вера. URL: <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0005.html>.
11. Лукьянова И. Не отрывайте хвосты головастикам. Корней Чуковский о религиозном воспитании детей. URL: <http://alchevskpravoslavniy.ru/knigi/ne-otryvajte-xvosty-golovastikam-kornej-chukovskij-o-religioznom-vospitanii-detej.html>.
12. Программа «С христианской точки зрения» на «Радио Свобода» от 24.08.06. URL: <http://www.narniacenter.ru/go/radio>.
13. Сурожский Антоний (митр.). Брак и семья. Киев : Пролог, 2004. 304 с.
14. Сурожский Антоний (митр.). О встрече. Клин : Фонд «Христианская жизнь», 1999. 254 с. URL: http://www.mitras.ru/sretenie/a_main.htm.
15. Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? Л. : Художественная литература, Ленинградское отд-ие, 1991. 410 с.
16. Центр «Нарния». Издат. и просветительская деятельность. URL: <http://www.narniacenter.ru/go/radio>.
17. Что из детства помогло мне стать верующим? : сборник / сост. А. Рогозянский. СПб. : Новый город, 1998. 320 с.

REFERENCES

1. Avgustin Blazhennyy. Ispoved'. URL: http://prihod.rugraz.net/assets/pdf/Avgustin_Avrelj-Ispoved.pdf.
2. Belkin A. S., Sutyryna T. A. Problemy formirovaniya mental'no-missionnoy lichnosti // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2012. № 6. S. 25–29.
3. V dome ottsa moego : sbornik / sost. A. Rogozyanskiy. M. : Izd. khrama Trekh Svyatiteley na Kulishkakh, 2001. 304 s.
4. Veniamin (Fedchenkov; mitr.). O vere i neverii. Detskaya vera dushi. URL: <http://www.spasnews.ru/biblioteka/doroga-very/veniamin-fedchenkov-mitropolit-o-vere-i-neverii-detskaya-vera-dushi.html>.
5. Ganago B. Detyam o vere. Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata, 2000 (2002, 2005 i dr.). URL: http://www.golden-ship.ru/load/g/ganago_boris/279.
6. Deti pishut Bogu. URL: <http://www.ark.ru/ins/zapoved/zapoved/deti-bogu.html>.
7. Zen'kovskiy Vasilij (prot.). O religioznom vospitanii v sem'e. URL: <http://azbyka.ru/deti/o-religioznom-vospitanii-v-seme-prot-vasilij-zenkovskij>.
8. Kaleda Gleb (prot.). Domashnyaya tserkov'. M. : Zachat'evskiy monastyr', 1997. 51 s. URL: <http://zachatevmon.ru/?p=13168>.
9. Kozlov Maksim (prot.). Detskiy katekhizis – 200 detskiikh voprosov i nedetskiikh otvetov. M. : Khram svyatoy muchenitsy Tatiany pri MGU, 2001. 432 s.
10. Kuraev Andrey (diak.). Detskaya vera. URL: <http://www.benjamin.ru/logos/kuraev/0005.html>.
11. Luk'yanova I. Ne otryvajte khvosty golovastikam. Korney Chukovskiy o religioznom vospitanii detey. URL: <http://alchevskpravoslavniy.ru/knigi/ne-otryvajte-xvosty-golovastikam-kornej-chukovskij-o-religioznom-vospitanii-detej.html>.
12. Programma «S khristianskoy tochki zreniya» na «Radio Svoboda» ot 24.08.06. URL: <http://www.narniacenter.ru/go/radio>.
13. Surozhskiy Antoniy (mitr.). Brak i sem'ya. Kiev : Prolog, 2004. 304 s.
14. Surozhskiy Antoniy (mitr.). O vstreche. Klin : Fond «Khristianskaya zhizn'», 1999. 254 s. URL: http://www.mitras.ru/sretenie/a_main.htm.
15. Tolstoy L. N. Ispoved'. V chem moya vera? L. : Khudozhestvennaya literatura, Leningradskoe otd-ie, 1991. 410 s.
16. Tsentr «Narniya». Izdat. i prosvetitel'skaya deyatel'nost'. URL: <http://www.narniacenter.ru/go/radio>.
17. Chto iz detstva pomoglo mne stat' veruyushchim? : sbornik / sost. A. Rogozyanskiy. SPb. : Novyy gorod, 1998. 320 s.